до приезда в Россию? И в связи с этим о его возможном возрасте в год его приезда, не забывая того, что Феофан был еще в состоянии расписывать церковь в 1405 г. Как нужно себе представить «град в градце», написанный в церкви Михаила на стене? Что можно сказать о стенном изображении Москвы в каменном доме князя Владимира Андреевича, которому ни в русском, ни в византийском искусстве нет никаких аналогий? Нет ли достоверных указаний на то, как на стене Благовещенского собора были написаны «Корень Иессеев и Апокалипсис»? И что сказать о литературном образе самого Феофана, который набросан Епифанием и который так мало подходит к тому, что мы обычно думаем о средневековом живописце: у Епифания он выступает независимым творцом, не прибегающим к копированию, мудрецом и блестящим собеседником. В связи с этим особого объяснения требовал бы и длинный и, кажется, сумбурный пассаж, передающий слова Феофана об архитектуре Софии Константинопольской. Его рассуждения о невозможности изобразить Софию в ее настоящих размерах является, может быть, откликом каких-то философских размышлений. Поражает то, что эти рассуждения ведут к таким скромным результатам, как заставка в виде храмика (старый мотив книжных заставок), о которых говорит то же письмо.

На первый взгляд, письмо Епифания дает много. Благодаря ему можно сделать вывод, что Феофан — единственный византийский живописец, за произведениями которого выступает какая-то индивидуальная личность, и намечается круг его деятельности. Но не менее очевидно, что Епифаний не только увлекается в своей восторженной характеристике Феофана, но иногда даже не все ясно в его словах. Мне кажется, однако, что внимательный комментатор, хорошо знакомый с литературой и искусством в России, Византии и на Балканах, в Италии и в итальянских владениях на Востоке, мог бы извлечь из этого текста более, чем это было сделано до сих пор.

3. В связи с этим хотелось бы указать на одно очевидное недоразумение. Покойный А. И. Некрасов посвятил когда-то особое исследование русским книжным заставкам в виде храмиков, указав на византийские примеры таких заставок и собрав ряд русских версий того же мотива.[6] По этому поводу он вспомнил о письме Епифания о Феофане и о том, что, судя по этому же письму, рисунок Константинопольской Софии, сделанный Феофаном, послужил образцом для заставок в четвероевангелии, принадлежащем автору письма. По его мнению, некоторые из сохранившихся русских заставок в виде храмиков восходят к этому рисунку Феофана, и он воспроизводит их. Как В. Н. Лазарев,[7] так и О. А. Белоброва,[8] ссылающиеся на эти заставки по рисунку Феофана, считают, что Некрасов был прав и что указания на заставки в двух русских рукописях XV в. могут восходить к рисунку Феофана. Между тем над этими заставками в виде пятиглавой церкви написано: «Церковь святых апостолов». Речь идет, следовательно, не о церкви св. Софии, которую, по словам Епифания, нарисовал Феофан и которая была приспособлена к этому мотиву заставки, но о совсем другой, тоже константинопольской и тоже

---

[6] A. I. Nekrasov. Les frontispices architecturaux des manuscrits russes. — Melanges Th. Uspenkij, vol. II. Paris, 1932, pp. 270—276. Автор пытается доказать, что надпись «церковь святых Апостолов» может обозначать церковь Софии; но это объяснение не выдерживает критики.

[7] В. Н. Лазарев. Феофан Грек..., стр. 71.

[8] О. А. Белоброва. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии. — Византийский временник, т. XVII, М.—Л., 1960, стр. 117—118, рис. 2.